

Карин Вааль

Любови

С ДЕВЯТИ ДО ШЕСТИ

От врагов до людовников
за един дедлайн

Карин Вааль

**Любовь с девяти
до шести. Рассказы**

«Литнет»

2026

Вааль К.

Любовь с девяти до шести. Рассказы / К. Вааль — «Литнет»,
2026

Сборник рассказов: Каждый рабочий день с 9 до 18 — это война взглядов, случайные касания в лифте и кофе, который кто-то «случайно» принёс не тому человеку. Здесь боссы слишком властные, стажёры слишком смелые, а HR давно махнул рукой на служебные романы. Каждый рассказ — новая пара, новый отдел, новая искра, которая грозит устроить пожар в открытом офисе. От врагов до любовников за один дедлайн. Добро пожаловать в мир, где «это всего лишь работа» звучит как самая сладкая ложь.

© Вааль К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1. Игрушка с сюрпризом	5
2. Проверка на прочность	12
3. Убей меня, начальник	17
4. Глоток мести	23
5. Босс на удалёнке	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

1. Игрушка с сюрпризом

В офисе «Нордекс Тех» не любили громких историй. Здесь предпочитали шёпот — короткий, липкий, передаваемый от стола к столу вместе с кофе и усталостью.

Про Максима Орлова шептались особенно охотно.

Он стал генеральным слишком рано — по меркам тех, кто десятилетиями карабкается к верхним этажам бизнеса. Ему было чуть за тридцать, когда он занял кресло, в котором другие мечтали посидеть хотя бы день. Резкий взлёт, громкие сделки, уверенные интервью в деловых изданиях — он быстро превратился в лицо компании. Инвесторы любили его за хищную хватку и холодную расчётливость, партнёры — за умение улыбаться под давлением. Он умел говорить правильные слова на публике и принимать жёсткие решения за закрытыми дверями.

Но внутри офиса его репутация строилась не только на цифрах.

Секретарши, ассистентки, девушки из маркетинга и HR знали о нём то, чего не писали в пресс-релизах. Почти легенда — так его называли вполголоса. Не потому что он скрывался. Напротив, он никогда не делал из этого тайны. Всё было оформлено аккуратно, официально. Никаких сцен, никаких скандалов. Просто правило, понятное каждому на этаже: у претендентки есть неделя, чтобы либо остаться и продвинуться по службе, либо вылететь из компании.

Он выбирал без лишних объяснений. Иногда достаточно было одного взгляда в лифте, случайного вызова в кабинет или сухого: «Зайдите ко мне после шести». Платил щедро, без задержек, без торга. Но быстро терял интерес — так же легко, как подписывал очередной договор.

Через несколько дней в приёмной появлялось новое лицо. Слишком аккуратный макияж, чтобы скрыть внутреннее напряжение. Слишком прямая спина, будто от этого зависела судьба. Слишком старательное равнодушие, когда он проходил мимо. Девушки старались не встречаться с ним взглядом, но всё равно ловили его отражение в стеклянных перегородках. А весь этаж делал вид, что ничего не происходит, хотя каждый прекрасно понимал: срок истечёт ровно через семь дней.

И тогда всё начнётся заново.

Алина работала его помощницей уже второй год. Она не была яркой. Не была дерзкой. Не была из тех, кого замечают в коридоре. Сухая, собранная, предельно точная — её существование в офисе было удобным, почти незаметным.

До сегодняшнего утра.

Лампочка на телефоне загорелась красным.

— Алина, зайдите ко мне.

Она взяла папку с документами, машинально проверила, всё ли на месте, и пошла по коридору, где всегда пахло кондиционером и дорогими духами. Кабинет Орлова был закрыт, как и всегда, плотной стеклянной дверью с затемнением.

Сам он стоял у панорамного окна, заложив руки в карманы брюк, и смотрел вниз на город, раскинувшийся под стеклом ровной серой геометрией. С высоты двадцать пятого этажа машины казались игрушечными, люди — точками, а шум улиц не доходил вовсе. В его кабинете всегда было слишком тихо: плотные стены, дорогая звукоизоляция, мягкий свет, холодный воздух кондиционера. Здесь всё подчинялось контролю — пространства, времени, чужих решений.

Когда дверь тихо закрылась за её спиной, он не обернулся. Наверняка знал, кто вошёл, по шагам, по едва уловимому шороху ткани, по паузе перед тем, как она остановилась. Но предпочёл сохранить дистанцию — заставить её почувствовать себя лишней в этом большом, выверенном пространстве.

Несколько секунд он продолжал смотреть на город, словно их разговор был не важнее движения машин внизу.

— Сядь, — произнёс спокойно, не повышая голоса и не меняя позы.

Это не звучало как просьба. И не звучало как приказ. Так же он говорил «подготовьте отчёт» или «перенесите встречу».

Она подошла к столу и аккуратно опустилась в кресло напротив. Кожа сиденья была прохладной, спинка — слишком прямой, как будто не предполагала расслабления. Её ладони легли на колени, пальцы сцепились в замок — жест, который она сама почти не осознавала.

Только тогда он отошёл от окна, обогнул стол, не встречаясь с ней взглядом, словно её присутствие пока не требовало подтверждения. Открыл ящик стола — в котором обычно лежали контракты и документы на подпись — и на мгновение задержал руку внутри.

Потом достал тонкую папку с прозрачной обложкой.

Листы внутри были аккуратно прошиты, углы идеально выровнены. Всё выглядело официально — почти стерильно.

Максим бросил папку на стол перед ней небрежным движением, от которого та скользнула по гладкой поверхности и остановилась прямо у её рук.

Только после этого он поднял глаза.

— Контракт на неделю. Цена — лечение твоей матери. Отказ — увольнение. Если пройдёшь хорошо — устрою тебя младшим менеджером с двойным окладом и стажировкой в Англии.

Фраза прозвучала буднично — так же ровно и сухо, как его распоряжения о переносе встречи или сокращении штата. Ни интонации, ни паузы, ни намёка на что-то личное. Словно он озвучивал пункт повестки, а не предлагал ей продать себя на неделю.

Слова повисли в воздухе.

Она не сразу поняла их смысл — они не сложились в цельную картину, рассыпались на отдельные слова, звуки. Контракт. Неделя. Цена. Лечение матери. Увольнение.

На секунду показалось, что она ослышалась. Что это какой-то деловой термин, странная формулировка, шутка, проверка. В груди что-то резко сжалось, но разум отчаянно пытался найти более безопасное объяснение.

— Простите?.. — тихо выдохнула Алина.

Её голос прозвучал ниже обычного, почти беззвучно, словно она боялась, что если повторит услышанное вслух, оно станет окончательной реальностью.

Он посмотрел на неё.

Взгляд был спокойным, внимательным, но без тени смущения. Ни вызова, ни неловкости, ни даже скрытого удовольствия. Он не испытывал потребности оправдываться или объяснять. Смотрел так, как смотрят на инструмент — оценивая пригодность, прикидывая срок службы, заранее просчитывая, сколько пользы можно извлечь. Без интереса к её чувствам. С тем холодным спокойствием человека, привыкшего решать судьбы одним коротким «да» или «нет».

— Ты прекрасно знаешь, о чём речь, — сказал он всё так же ровно.

Алина перевела взгляд на папку. Всё выглядело до смешного официально.

— Это... обязательное условие? — спросила она.

— Это предложение, — поправил он. — Ты вправе отказаться.

Сделал короткую паузу.

— Но тогда нам придётся прекратить сотрудничество. Сегодня.

Она сжала пальцы под столом.

Перед глазами всплыла палата, запах лекарств, серая больничная простыня, на которой её мать лежала почти неподвижно уже несколько месяцев после аварии на объекте «Север-17». Врачи не обещали быстрых чудес. Но обещали счёт. Большой и регулярный.

— У тебя есть несколько минут, — поторопил он, мельком взглянув на часы. — Я не люблю длинные сцены.

Она подняла голову. Внутри было странно пусто.

— Я согласна.

Он чуть приподнял брови. Словно ожидал другой реакции — слёз, дрожи, торга?

— Хорошо. — И придвинул к ней ручку.

С первого дня она поняла, что самое тяжёлое во всём этом — даже не сами встречи и не необходимость находиться рядом с ним на условиях полного подчинения. Хуже было ожидание. Тягучее, медленное, почти физически ощутимое — когда каждая минута до его шага за дверью растягивалась, когда тело заранее напрягалось, словно пытаясь подготовиться к чему-то неизбежному, а мысли снова и снова прокручивали один и тот же вопрос: сегодня — или позже.

Максим не был грубым. Не позволял себе резких слов, не повышал голос, не демонстрировал власть нарочито. Он держался вежливо, почти безукоризненно, и от этого становилось ещё тяжелее. Его внимательность выглядела не заботой — скорее аккуратным контролем. Его прикосновения были редкими, выверенными до миллиметра, будто он проверял не её реакцию, а собственные ощущения, собственные пределы допустимого. В этих жестах не было нетерпения. Было спокойствие человека, который уверен: здесь я решаю.

Она держалась.

Не потому, что чувствовала в себе особую силу. А потому, что не имела права сломаться.

Каждый раз, когда внутри поднималась волна — злости, унижения, стыда, внезапной слабости, — она гасила её так же, как привыкла гасить панику на работе: коротким вдохом, напряжением плеч, холодной внутренней командой — ещё немного. Просто пережить.

Вечером, возвращаясь в съёмную квартиру, она долго не могла заставить себя снять пальто. Садилась на край кровати, не включая свет, и смотрела в одну точку на стене, будто боялась, что если ляжет, если позволит себе расслабиться хотя бы на секунду, всё накопленное за день прорвётся сразу. Иногда её начинало трясти — в темноте, под тонким одеялом, в глухой тишине, где не нужно было держать лицо и отвечать спокойным голосом. Там, где можно было наконец перестать быть удобной, собранной и правильной. Там, где оставалась только она — и чувство, что эта неделя стоит ей куда больше, чем любые деньги.

Первый день Максим её почти не замечал.

На второй день он впервые проявил реальный интерес. Они сидели в его квартире, за низким столиком у окна, где вечерний город отражался в стекле рассеянными огнями. Он листал сообщения в телефоне, она держала в руках бокал, к которому почти не притронулась. Разговор тек лениво, без напряжения — о работе, о какой-то предстоящей сделке, о пробках на выезде из центра.

И вдруг он отложил телефон, посмотрел на неё внимательнее, чем обычно. Будто впервые заметил.

— Ты всегда такая закрытая?

Вопрос прозвучал спокойно, но в нём не было лёгкости. Скорее — наблюдение, которое давно просилось наружу.

Она чуть повернула голову, будто проверяя, правильно ли расслышала.

— Это мешает работе? — спросила она, пожав плечами.

Ответ был привычно аккуратным. Без эмоций. Без попытки оправдаться или, наоборот, поправиться.

Он усмехнулся — не зло, скорее задумчиво.

— Нет. Это выбивается из привычной картины.

Он не стал пояснять, но она и так поняла.

Максим привык к определённой реакции. К девушкам, которые ловят каждую интонацию, угадывают настроение, смеются на долю секунды раньше, чем он договорит шутку, и смотрят так, словно он — их личный шанс на что-то большее. Он привык к лёгкой лести, к старательной мягкости, к готовности подстраиваться.

С ней всё было иначе.

Алина не пыталась понравиться. Не искала его одобрения. Не ловила взгляд, но и не избегала его нарочито. Она отвечала, когда к ней обращались. Слушала, когда он говорил. И молчала, когда не считала нужным заполнять паузу. Как будто держала внутри себя что-то своё — отдельное, закрытое, недоступное. Словно между ними существовала невидимая перегородка, через которую он не мог пройти, как ни старался.

Это раздражало.

И в то же время цепляло сильнее любой показной заинтересованности.

В её спокойствии не было игры, и именно поэтому ему хотелось понять: что она прячет за этим ровным взглядом? Страх? Презрение? Или что-то ещё, что он пока не мог назвать?

В тот день он смотрел на неё чуть дольше, чем требовалось, а она выдержала этот взгляд, не отвела глаза первой.

На третий день она пришла к нему утром. Свет проникал в комнату широкими полосами, отражаясь на белых стенах. Он сидел на краю дивана с кружкой кофе, неподвижный, наблюдая.

— Сделай мне завтрак, — сказал ровно, — но... сначала разденься. Полностью.

Слова прозвучали тихо, без намёка на шутку или вызов, но их смысл был ясен. Сердце Алины забилось быстрее, дыхание слегка сбилось, но внешне она оставалась собранной. Ни паники, ни дрожи — только ровный взгляд, внимательный и сосредоточенный.

Она кивнула и медленно пошла к спальне. Понимала, что это проверка: не кулинарные навыки, не скорость — а её готовность подчиняться.

Когда вернулась, утренний свет скользил по её коже, обнажённой и уязвимой. Каждый изгиб, каждая линия тела были на виду; каждое движение ощущалось предельно интимным. Сердце гремело в груди, руки слегка дрожали, но она держала спину прямо и взгляд — ровным, опущенным, будто внутренне удерживая себя от любой реакции.

Он смотрел на неё. Холодный, внимательный, изучающий взгляд — не возбуждение, не страсть, а власть и контроль. Максим не пропускал ни одного движения, ни малейшего знака её смущения или слабости. Не сказал ни слова. Иногда слегка наклонялся, будто случайно, чтобы увидеть лучше, иногда лишь едва заметно смещал позу, проверяя реакцию. Каждое её движение, каждый вдох и каждый вздрагивающий мускул были на виду.

И именно эта абсолютная уязвимость, сочетание страха, напряжения и внутреннего контроля, держала его внимание. Алина не пыталась соблазнить, не старалась угодить — она просто была. Совсем открытой и одновременно сосредоточенной.

Когда завтрак был готов, она подала ему кружку кофе. Горячий пар касался обнажённой кожи, и на мгновение холод и тепло переплелись, вызывая одновременно страх и странное напряжение. Он взял кружку, внимательно посмотрел на неё, чуть улыбнувшись. Улыбка была лёгкой, почти ледяной — без похвалы, без комплимента, только констатация того, что она выдержала испытание.

И в этот момент Алина впервые ощутила всю тяжесть своей роли: быть полностью на виду, уязвимой, но при этом сохранять контроль. А он, сдержанно наблюдая, играл с ней, проверял каждую грань её послушания: именно эта холодная послушность привлекала его больше, чем любая женская игра или покорность, к которой он привык.

Весь четвёртый день Алина провела одна. Максим вернулся только вечером, и выглядел иначе. Кофта была слегка помята, волосы небрежно растрёпаны, плечи чуть согнуты — впервые она заметила уставшее, человеческое тело под идеально отточенной оболочкой генерального директора.

— Прости, опоздал, — пробормотал он, не глядя на неё, — отец звонил, опять допрашивал по поводу старого проекта. А мать... — он замялся, скользнул взглядом по кухне, отвернулся. — Ничего. Просто устал.

Слова были тихими, ускользающими, но в них звучала правда, которую она никогда прежде не слышала от него. Не власть. Не игра. Не холодная оценка.

Она молчала, наблюдая. Не задавала вопросов. Не делала шагов навстречу.

— Иногда хочется, чтобы не нужно было быть идеальным.

Алина почувствовала странное тепло: в нём, который до этого был недоступен, была настоящая усталость, боль и одиночество. Это резко контрастировало с тем человеком, которого она видела в офисе, новостях, отчётах и слухах.

И чем дольше она смотрела, тем сильнее ощущала опасность. Потому что впервые за всё время он выглядел... обычным. Человеком. И от этого становилось только хуже. Труднее держать дистанцию. Труднее сохранять холодное равнодушие.

Она понимала: этот короткий миг человечности может разрушить всё, что она выстраивала два года.

И чем нормальнее становился Максим в её глазах, тем яснее понимала: пора заканчивать игру.

На пятый день она пришла к нему раньше обычного, когда город ещё только просыпался, и воздух в квартире был холодным и прозрачным. В руках — завтрак из его любимой кофейни: горячий кофе, свежие круассаны, идеально нарезанные фрукты. Она знала всё это ещё с офисных времён, когда наблюдала за его привычками, отмечала, что он любит, а что нет.

Он открыл дверь в расстёгнутой рубашке, волосы небрежно растрёпаны, взгляд слегка сонный, почти удивлённый.

— Ты сегодня непривычно заботливая, — сказал он тихо, усмехнувшись, но улыбка не достигала глаз.

Она едва заметно улыбнулась в ответ, губы тихо изогнулись.

— Контракт заканчивается.

Он сделал шаг в сторону, пропуская её внутрь. Комната была залита холодным утренним светом, отражающимся от стеклянного стола и хромированных поверхностей. Он сел на край кровати, взял кружку, сделал глоток, устало прикрыл глаза, будто сон ещё не отпустил его.

Алина подошла ближе. Медленно. Каждое движение было выверенным, спокойным, но напряжённым. Наклонилась и коснулась его губ своими — мягко, коротко, почти благодарно.

Он моргнул, словно не сразу понял, что происходит. Её руки осторожно сняли с его шеи болтающийся галстук.

— Ты решила поиграть? — спросил хрипло, приподняв голову.

Ответа не последовало.

Через несколько секунд его запястья оказались стянуты галстуком к изголовью кровати. Он попытался пошевелиться и замер.

— Алина?... — голос тихий, с ноткой растерянности.

Она отступила на шаг, достала из сумки флешку и положила её на тумбочку рядом с тонкой стопкой распечатанных документов.

— Почитай. Как время будет, — сказала она спокойно, ровно, без эмоций. — Хотя...

Она поднесла документы ближе — Максим пробежал глазами первый лист. На втором лицо побледнело, на третьем он медленно поднял на неё озлобленный взгляд.

— Откуда у тебя это? — голос дрожал, но сдержанно.

— С твоего ноутбука, — тихо, спокойно ответила она. — Пока ты спал я позволила себе порыться в бумагах.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Ты понимаешь, что держишь в руках? — произнёс он почти шёпотом.

— Да.

Она села на край кровати, глаза спокойно встречали его взгляд.

— Это внутренний отчёт по партии оборудования, признанной аварийной ещё до отгрузки. Переписка с подрядчиком, служебные указания закрыть расследование, подписи, поставленные уже после трагедии. Восемь погибших, двадцать семь раненых. Пятеро остались инвалидами навсегда.

Он сглотнул, молча, пытаясь переварить происходящее.

— Кто ты такая?.. — спросил он, едва слышно.

— Никто. Моя мать работала на объекте «Север-17», куда пришла эта партия. Она выжила, — сказала Алина тихо. — Но больше не может ходить. И, скорее всего, никогда не сможет.

Он опустил голову, молчание заполнило комнату плотной тишиной.

— Ты... всё это время... — начал он.

— Ты правда думал, что я попала сюда случайно? — её лёгкая усмешка была холодной, почти ледяной.

Максим зарычал, дернул руки, пытаясь выбраться из ловушки.

— Два года, — продолжила она, — без связей, без рекомендаций. Работала, училась, наблюдала, ждала. Мне нужно было попасть в гарем твоих девушек, стать одной из тех, кому ты предложишь контракт. Это был единственный способ получить доступ туда, куда меня не пустили бы никакие резюме.

— Сука... — произнёс он тихо.

— Эта неделя была частью плана, — кивнула она. — Как и всё остальное.

— Ты использовала меня.

— Ты использовал десятки женщин, — спокойно ответила Алина.

Он закрыл глаза, тяжело выдыхая.

— И что теперь?

Алина встала.

— Теперь ты сам идёшь в полицию и передаёшь им все материалы. Сегодня. Или это сделаю я. С адвокатом, с журналистами, с полным пакетом.

Максим смотрел на неё долго, без слов. Тишина в комнате сгустилась до такой степени, что стало трудно дышать.

— Ты понимаешь, что уничтожишь меня? — тихо спросил он.

— Мою семью уничтожили раньше, — ровно ответила Алина.

— И что, ты думаешь, произойдет? У меня есть связи, и... Легко найти козла отпущения.

— Легко, — кивнула Алина. — Но по закону ты как минимум должен выплатить компенсацию. Если будет виновный — любой из твоих... козлов... То мы имеем право пойти в суд. Все мы.

— Так вам... нужны деньги. — ухмыльнулся Максим, облизнув губы. — Продажная сука...

Алина вздрогнула, губы задрожали в немой ярости.

— Самое мерзкое... — прошептал Максим, брезгливо поморщившись. — Я действительно в тебя чуть не влюбился.

Она задержала дыхание на мгновение. И всё же выдержала его взгляд.

— Я знаю.

— А ты?

— Я слишком долго шла к этому моменту, чтобы позволить себе любой ответ, — сказала она, поднимаясь с кровати.

На пороге у двери она остановилась:

— Контракт, я так понимаю, закончен? Извини, что раньше срока. Не смогла выдержать все семь дней.

—

Дорогие читательницы!

Эта история закончилась — если понравилась, жду ваши лайки, комментарии, подписки! Ваши эмоции очень помогают писать ещё и ещё!

У меня есть и другие рассказы и романы — очень жду вас на их страничках.

С любовью,

Ваша Карин Вааль

2. Проверка на прочность

Выхожу из лифта на первом этаже — и ноги подкашиваются, словно только что пробежала марафон в этих нелепых лодочках на десятисантиметровом каблучке. Сердце колотится где-то под горлом, а в ушах всё ещё звенит ровный, почти равнодушный голос женщины из отдела кадров: «Спасибо, мы с вами свяжемся в ближайшие три-четыре недели. Удачного дня».

Четыре недели. Четыре бесконечные недели неизвестности, когда каждый день будет тянуться, как резинка, готовая вот-вот лопнуть.

Прижимаю папку к груди так сильно, что края впиваются в рёбра — единственный щит в этом слишком большом, слишком светлом, слишком гулком холле. Стекло, мрамор, хромированная сталь — всё отражает мою бледность, расширенные зрачки, лёгкую дрожь в губах. Чувствую себя обнажённой перед толпой, будто меня только что поставили посреди сцены и сказали: «Теперь жди приговора».

Опускаюсь на кожаный диван в самом дальнем углу, подальше от любопытных глаз ресепшена. Внутри быются два желания: закричать от восторга и разрыдаться от страха — одновременно. Это ведь тот самый холдинг. Тот, о котором мечтала ещё на третьем курсе, когда ночи напролёт сидела над кейсами и учебниками. Зарплата, о которой боялась даже шептать вслух. Проекты, о которых пишут в глянцевого бизнес-изданиях. И вот я здесь. Только что отдала им всё: диплом с отличием, сертификаты, рекомендательные письма, даже ту абсурдную анкету на десять страниц, где спрашивали про мою лояльность, моральные принципы и «готовность идти на компромиссы в интересах компании».

Меня возьмут — точно возьмут! — если не узнают один маленький секрет... Но об этом никто не знает. Не в этой стране. Не в этой жизни!

— Господи, пожалуйста, — шепчу.

Теперь остаётся только ждать.

Закрываю глаза, пытаюсь вспомнить дыхание животом — то самое, которому учила психолог на прошлой работе. Вдох... выдох... Но вместо тишины в голове всплывают тени: а вдруг всплывёт тот старый студенческий кредит, который я почти выплатила? А вдруг они узнают, что до сих пор просыпаюсь в три часа ночи от кошмара про бывшего и его угрозы выложить те фотографии и видео в сеть?

Снова...

Из приоткрытых губ вырывается слабый стон. Сил нет — но надо идти.

Открываю глаза — и вижу его.

Он выходит из того же лифта, где только что была я. Высокий, в тёмно-синем костюме, который сидит так идеально, будто его шили прямо на его безупречном явно спортивном теле. Волосы слегка растрёпаны — видимо, тоже только что прошёл через ту же мясорубку. Но взгляд... спокойный, тёплый и в то же время такой откровенно голодный.

Во рту мгновенно пересыхает.

Он замечает меня сразу: сгорбленную на диване, вцепившуюся в папку, как в последний шанс. Улыбается — не во весь рот, а одним уголком, и от этой полуулыбки по спине прокатывается горячая, почти осязаемая волна.

Подходит медленно, уверенно — словно весь этот стеклянный дворец сейчас принадлежит только нам двоим.

— Тяжело дался разговор? — голос низкий, с лёгкой хрипотцой, от которой мурашки мгновенно бегут по рукам, плечам, забираются под блузку...

— Сказали «свяжемся». Три-четыре недели... — слова вылетают тихо, почти жалобно.

Он кивает, будто это самая обычная вещь на свете.

— Ясно. А я Артём. Отдел кадров. Видел вашу анкету ещё вчера. — Лёгкий наклон вперёд — и в воздухе повисает запах сандала, цитруса, тёплой пряной кожи. — Очень... аппетитное резюме.

Щёки вспыхивают до корней волос. Хочется ответить что-то смешное, умное, но выходит только:

— Спасибо... наверное.

Улыбка становится шире, теплее. Он садится рядом — не вплотную, но достаточно близко, чтобы сквозь ткань костюма чувствовалось тепло его тела.

— Я бы хотел вас взять прямо сейчас.

Чувствую, как голова начинает кружиться от его слов. В голову лезут неприличные мысли при слове «взять».

— Но есть формальность. — продолжает. — Служба безопасности. Они... дотошные. Придётся пройти несколько тестов, консультации, проверку связей. Ничего страшного. Я буду вашим куратором на этом этапе.

Он улыбается уголком рта, и я чувствую, как внутри всё сжимается сладко и горячо.

— То есть... мы ещё увидимся? — спрашиваю глупо.

— Очень часто, — ответил он тихо.

Он звонит почти каждый вечер. Сначала вопросы звучат почти по-деловому: «Как прошёл тест на лояльность? Что спрашивали на психологическом опроснике? Не напрягают вопросы про связи за границей?» Я отвечаю честно, стараюсь не выдать дрожь в голосе, а он слушает внимательно, иногда вставляет короткие подсказки: «Не торопись отвечать на всё подряд, они ищут противоречия. Ты справишься».

Потом звонки становятся короче. Интимнее.

«Я тут подумал... может, встретимся?»

Мы гуляем по набережной, когда уже стемнело. Фонари дрожат в чёрной воде, холодный ветер пробирается под пальто, но мне всё равно — рядом с ним мне всегда жарко. Он покупает мне горячий шоколад в бумажном стакане, а потом большим пальцем медленно вытирает пенку с моей верхней губы. Я дрожу — и совсем не от холода.

После ужина в маленьком ресторане с видом на реку, мы спускаемся на подземную парковку. В машине темно, пахнет кожей салона и его одеколоном. Он наклоняется ко мне и целует так, будто ждал этого всю жизнь. Медленно. Глубоко. Пальцы запутываются в моих волосах, другая рука скользит под пальто, под платье — и останавливается на внутренней стороне бедра. Не выше. Но достаточно, чтобы я выгнулась навстречу и тихо застонала.

— Ты такая... — шепчет, уткнувшись в мою шею, вдыхая запах моих волос. — Я не могу перестать о тебе думать.

Я верю. Каждому слову. Каждому прикосновению.

Он знает, где у меня самые чувствительные точки. Знает, как провести по ключице — медленно, едва касаясь, — чтобы я задрожала всем телом. Знает, как я люблю, чтобы он взял меня за запястья, поднял руки над головой и удерживал одной ладонью, пока другой рукой исследует каждый сантиметр кожи, а глазами смотрит так, будто я — единственное, что имеет значение во вселенной.

Я растворяюсь в нём. Открываюсь слой за слоем.

Мы проводим ночи у меня дома. Он приходит после работы, снимает галстук ещё в прихожей, целует меня у двери так жадно, что я забываю закрыть замок. Ужинаем на кухне — иногда готовим вместе, иногда заказываем еду и едим прямо из коробок, сидя на полу перед телевизором. Потом он уводит меня в спальню, и там уже нет слов — только дыхание, стоны, шёпот его имени, когда я кончаю, вцепившись в его плечи.

А после — разговоры. Лежим в темноте, переплетя ноги, он гладит меня по спине длинными ленивыми движениями, а я кладу голову ему на грудь и слушаю, как стучит сердце.

Он рассказывает, как в университете чуть не вылетел из-за глупой ставки с друзьями — взломал базу данных деканата, чтобы подправить оценки одногруппнику. Его поймали, но отчислили только условно — отец, крупный чиновник в прошлом, «поговорил» с нужными людьми. С тех пор он ненавидит, когда кто-то пытается манипулировать системой. «Поэтому я и пошёл в кадры, — говорит он тихо. — Чтобы хотя бы здесь всё было честно».

Я молчу. Стыд жжёт изнутри.

Он замечает.

— А ты... Делала когда-нибудь что-то такое... — спрашивает, проводя пальцем по моей груди. — Я про тебя почти ничего не знаю.

Сглатываю. Мне страшно — но будет хуже, если он узнает сам. Тогда не будет ни работы, ни его... И я до сих пор не решила, чего боюсь больше.

— Мой бывший... — голос дрожит. — Он записал нас. Интимное видео. Лица почти не видно, но... меня можно узнать. Особенно по татуировке на запястье. И... он выложил видео в сеть. — вдыхаю побольше воздуха, боясь задохнуться от волнения. — Я узнала случайно — один из общих знакомых скинул ссылку с подписью «это же ты?». Пришлось заплатить ему. Большие деньги. Чтобы удалил. Взять кредит — якобы на учёбу. И теперь... расплачиваюсь каждый месяц. Если служба безопасности узнает... если они докопаются... меня не возьмут. Да?

Он молчит долго. Потом притягивает меня ближе, обнимает так крепко, что я чувствую каждое его дыхание.

— Не бойся, — говорит тихо, целуя меня в висок. — Я никому не расскажу. Никогда. Это остаётся между нами.

— А если он снова... если начнёт шантажировать?

Артём отстраняется чуть-чуть, чтобы я видела его глаза — тёмные, серьёзные, жёсткие.

— Если с твоим бывшим будут проблемы — просто скажи мне. Я разберусь.

В его голосе нет ни капли сомнения. И я верю, что он может всё.

Утыкаюсь ему в шею, вдыхаю запах кожи и одеколона и впервые за долгое время чувствую, что могу дышать спокойно.

Мне звонят ровно через месяц — три-четыре недели, как обещали. Телефон вибрирует на столе — незнакомый корпоративный номер.

Беру трубку дрожащей рукой.

— Поздравляем, вы успешно прошли все этапы. — сбивается с дыхания девушка на другом конце разговора. — Приходите завтра к десяти утра, оформим вас официально. Добро пожаловать в команду.

Секунду я не дышу. Потом хочется закричать так, чтобы весь дом услышал. Счастье бьёт в виски, как открытое шампанское, пенится в груди.

Я прошла. Я — прошла!

Всё, о чём мечтала годами — с тех пор, как сидела ночами над учебниками, представляла себя на их этажах, — теперь реально. Не мечта. Не «когда-нибудь». Сейчас. Завтра в десять утра я подпишу договор, получу бейдж, войду в лифт с надписью как сотрудник — и это будет моя жизнь.

Хочется закричать так, чтобы весь дом услышал, чтобы соседи за стенкой проснулись и подумали, что у меня что-то случилось. Хочется вскочить, закружиться по комнате, разбить что-нибудь случайно от избытка сил — но вместо этого просто сижу, прижимаю телефон к щеке и улыбаюсь так широко, что щёки болят.

Сразу набираю Артёма. Гудки. Один. Два. Три. Автоответчик — вежливый женский голос сообщает, что абонент временно недоступен. Сердце падает чуть-чуть, но я не сдаюсь. Пишу сообщение, пальцы летят по экрану:

«Я прошла!!!! Завтра оформляют! Позвони скорее, пожалуйста, я с ума схожу от счастья!!!»

Отправляю. Доставлено.

Смотрю на экран, жду. Проходит минута. Две. Пять. Но ответа нет. Ни эмодзи, ни «поздравляю», ни даже «рад за тебя».

Улыбка медленно сползает с лица. В груди всё сжимается.

Кладу телефон экраном вниз, встаю, подхожу к окну. За стеклом — вечерний город, огни, машины, обычная жизнь. А внутри меня — смесь эйфории и странной, непонятной тревоги.

Выдыхаю, пытаюсь отогнать мысль. Завтра будет новый день. Завтра я официально стану частью этой компании. А Артём... Артём просто занят. Или телефон на беззвучном. Или...

Я возвращаюсь к дивану, беру телефон снова. Экран всё такой же пустой.

Тишина тянется, как резинка, и я чувствую, как она вот-вот лопнет.

На следующий день вхожу в холл с ощущением, что ноги не касаются пола. Приёмная. Отдел кадров. За столом — женщина лет сорока пяти. Строгая юбка-карандаш цвета мокрого асфальта, идеальный пучок, из которого не выбивается ни одна прядь, взгляд острый, как скальпель.

— Доброе утро. Елена Викторовна, начальник отдела кадров. Проходите, сейчас подпишем договор.

Я застываю на месте. В ушах шумит.

— Простите... а Артём?

Она поднимает одну идеально очерченную бровь.

— Какой Артём?

Пол качается под ногами. Я хватаюсь за край стойки, чтобы не упасть.

Весь день проходит в каком-то вязком тумане. Подписываю документы — рука дрожит так, что подпись получается чужой. Слушаю объяснения про соцпакет, бонусы, испытательный срок — слова долетают откуда-то издалека. Когда меня наконец отпускают, выхожу в тот же холл, где всё началось. Сажусь на тот же диван. Набираю его номер.

Он отвечает после третьего гудка.

— Поздравляю, — голос спокойный, почти нежный. — Ты прошла.

— Кто ты? — мой голос срывается на хрип.

Долгая, тяжёлая пауза.

— Тот же, кто и ты. Соискатель. На ту же позицию.

Прислоняюсь спиной к холодной стеклянной стене, чтобы не рухнуть.

— Ты... притворялся?

— Да.

— Всё это время?

— Да.

Зажмуриваюсь так сильно, что искры в глазах.

— Зачем?

— Чтобы выиграть, — отвечает. — Узнать твои слабые места. Выяснить, что ты прячешь.

Сдать это безопасникам. И остаться последним кандидатом.

Молчу. В горле стоит ком, дышать больно.

— И... сдал? — наконец выдавливаю сквозь зубы.

— Нет.

— Почему?

Вздыхает.

— Потому что примерно на второй секунде знакомства я понял: мне не нужна эта должность. Мне нужна ты. Та, что краснеет, когда я касаюсь её шеи. Та, что шепчет моё имя, когда кончает. Та, что доверила мне свои самые страшные секреты, потому что поверила.

Сглатываю слёзы.

— Ты подонок.

— Да, — соглашается шёпотом. — Но я ничего никому не сказал. А вчера позвонил им и отказался от контракта. Сказал, что снимаю свою кандидатуру. Они выбрали тебя.

Молчу долго. Смотрю на свои туфли. На отражение в стекле — бледная, с размазанной тушью под глазами. На город за стеклом — равнодушный, шумный, огромный.

Сердце стучит так громко, что заглушает все разумные мысли.

— И что теперь? — спрашиваю наконец.

Он отвечает почти неслышно:

— Теперь у тебя есть работа. А у меня... есть ты. Или нет?

Молчу ещё секунду. Две.

— Приезжай, — шепчу.

И слышу, как он выдыхает — резко, будто весь этот месяц задерживал дыхание.

— Уже еду.

—

Дорогие читательницы!

Эта история закончилась — если понравилась, жду ваши лайки, комментарии, подписки!

Ваши эмоции очень помогают писать ещё и ещё!

У меня есть и другие рассказы и романы — очень жду вас на их страничках.

С любовью,

Ваша Карин Вааль

3. Убей меня, начальник

Каждое утро я просыпаюсь в 6:37 от звука будильника, который ненавижу так сильно, что уже не слышу его — просто открываю глаза ровно в ту секунду, когда он должен зазвенеть. Лежу три бесконечные секунды, уставившись в белый потолок, который за тысячи повторений стал мне роднее, чем собственное лицо в зеркале. И каждый раз внутри шевелится одна и та же мысль, тихая, почти ласковая в своей безысходности — понимаю, что сегодня снова 17-е марта, и тихо говорю в пустоту:

— Опять.

Я встаю. Двигаюсь по квартире механически: вода из крана, кофеварка, запах молотых зёрен, который уже не бодрит, а только напоминает, что день будет точно таким же. Метро. Толпа. Запах чужих духов и мокрых курток. Я выхожу на своей станции, иду по знакомому маршруту, здороваюсь с охранником, который каждый раз отвечает одинаково. Сажусь за стойку №4. Включаю компьютер. Улыбаюсь первой клиентке — автоматическая улыбка, отточенная до совершенства.

Всё как всегда.

А потом появляется он.

Мой новый начальник — мы его полгода ждали — представлен на утренней планёрке. Имя — Даниил. Фамилию я обычно пропускаю, потому что в тот момент, когда он входит в переговорку, у меня каждый чёртов день перестаёт биться сердце на полсекунды.

Я не знаю, как это описать точнее, чем просто: мир на мгновение теряет звук. Будто кто-то выдернул штекер из реальности, и осталась только картинка — он. Высокий, с плечами, которые кажутся слишком широкими для узкого кроя костюма. Волосы чуть длиннее, чем принято в банковской среде, тёмные, — ему, наверное, тридцать семь, может тридцать восемь, но выглядит он так, будто время его не касается.

А глаза...

Глаза цвета мокрого асфальта после ночного ливня — глубокие, почти чёрные в тени, но когда свет падает правильно, в них проступает стальная синева. Спокойные. Слишком спокойные для человека, который только что стал новым начальником в этом муравейнике. Он не суетится, не пытается всем понравиться. Просто стоит, слушает, как его представляют, кивает. И когда наш заведующий отделом говорит: «Даниил будет курировать операционный блок», он поворачивает голову — и смотрит прямо на меня.

На долю секунды. Может, на полсекунды. Но этого хватает.

В горле становится сухо. Кожа на запястьях вдруг начинает гореть, хотя я даже не пошевелилась. Опускаю взгляд. Как будто это может стереть его из памяти!

Чуть позже он проходит мимо моей стойки к своему кабинету. От него пахнет — едва уловимо — деревом, дождём и чем-то тёплым, как свежесваренный чай с бергамотом. Не дышу, пока звук его шагов не затихает за дверью.

Я влюбляюсь в него за первые семь минут его существования в моей жизни. Каждый раз. Снова и снова. Не «нравится», не «привлекательный», а именно влюбляюсь — всей кожей, всеми нервами, всем тем, что ещё осталось живым после тысяч смертей. Внутри меня что-то рвётся — тонкая, старая плёнка равнодушия, которой я укрывалась, — и под ней оказывается голое, дрожащее «хочу». Хочу подойти. Хочу, чтобы он посмотрел на меня ещё раз, но уже не случайно. Хочу услышать, как он произносит моё имя. Хочу коснуться его рукава, почувствовать тепло его предплечья под тканью. Хочу, чтобы он улыбнулся мне — не той сдержанной, вежливой улыбкой-уголком-губ, а по-настоящему, так, чтобы я увидела морщинки у глаз.

За первые семь минут его присутствия в моей жизни я проживаю целую жизнь: представляю, как он наклоняется ко мне через стойку и шепчет что-то только для меня; как мы

идём вечером по мокрой улице и он вдруг берёт меня за руку; как он целует меня в висок и говорит «всё будет хорошо», хотя прекрасно знаю:

В 17:45 всё кончится выстрелом.

Я молчу.

Всегда.

Опускаю глаза. Начинаю печатать. Делаю вид, что проверяю транзакцию. А внутри всё горит. Всё кричит. Всё умоляет: «Подойди. Сейчас. Пока он ещё есть шанс, что он посмотрит на тебя иначе».

Но я не подхожу.

Потому что знаю: даже если я подойду, даже если он улыбнётся мне — в 17:45 нас всё равно убьют. И я снова проснусь в 6:37. И снова увижу, как он входит. И снова влюблюсь. С той же силой. С той же болью. С тем же безнадёжным восторгом.

Я знаю. Я проверяла тысячу раз...

И это — самое страшное и самое прекрасное, что со мной происходит.

Потому что даже в этой петле, даже зная конец, я всё равно каждый раз падаю в него, как в пропасть, и лечу, лечу, лечу... до самого последнего выстрела.

В 17:45 раздаётся крик.

Женщина у соседней стойки роняет сумочку. Монеты звенят по мрамору, и этот звук кажется оглушительным в наступившей секунду спустя мёртвой тишине. Дверь главного входа распаивается с такой силой, что стекло дрожит в раме.

Двое в чёрном. Маски. Пистолеты. «Все на пол! Лицом вниз! Быстро!» Обычно я успеваю только поднять взгляд на Даниила. Он всегда стоит у стеклянной двери в операционный зал — и всегда делает шаг вперёд. Всегда пытается сказать что-то успокаивающее.

Выстрел.

Громкий, сухой. И следом — треск ломающейся кости.

Первая пуля входит ему в грудь — чуть левее центра, туда, где под белой рубашкой бьётся сердце. Ткань мгновенно темнеет. Его тело дёргается назад, но он не падает сразу. Ещё секунду стоит, удивлённо глядя вниз, на расплзающееся пятно.

Я кричу его имя — почти беззвучно, потому что воздуха уже нет.

Вторая пуля — моя.

Она долетает до меня быстрее, чем я успеваю осознать. Жгучая вспышка в животе, будто кто-то вонзил раскалённый прут. Ноги подкашиваются. Пол ударяет меня жёстко, холодно. Я падаю на бок, лицом к нему.

Он тоже уже на полу. Лежит на спине, чуть повернувшись ко мне. Глаза широко открыты — не от боли даже, а от чистого, детского удивления: как так? Как это может быть? В них ещё отражается свет ламп, ещё живёт крошечный кусочек того утра, когда он вошёл в переговорку и посмотрел на меня.

Его рука — большая, с длинными пальцами, с едва заметной старой царапиной на костяшке указательного — тянется ко мне. Медленно. Словно через воду. Пальцы находят мои. Сжимают.

Я пытаюсь сжать в ответ, но тело уже не слушается.

Последнее, что я чувствую — тепло его ладони. И холод, который поднимается от кончиков пальцев ног, как чёрная вода.

Последнее, что я вижу — его глаза. Смотрят на меня, пока зрачки не начинают медленно расширяться.

А потом — темнота. Абсолютная. Без снов. Без боли. Только пустота, в которой даже времени нет.

И снова — 6:37.

Я пробовала всё.

Не прийти вовремя на работу — но тут же представляю, как его убивают одного, без меня рядом. А вдруг, другого 17-го марта не будет?..

Позвонить в полицию — «Девушка, вы уверены, что это произойдёт именно сегодня в 17:45?» — и смех в трубке.

Попытаться обезвредить грабителей — один раз мне удалось вырубить первого, но второй всё равно выстрелил. Даниил умер быстрее, чем обычно.

Я пробовала предупредить его. Говорила прямо:

— Даниил, сегодня в 17:45 банк ограбят. Нас убьют. Обоих.

Он смотрел на меня долго, потом спросил:

— Ты в порядке?

Конечно нет! Мы скоро умрем!

Пыталась увести его. Соблазнить. Один раз почти получилось. Я подошла к нему в 16:20, когда все уже собирались, надела то платье, которое обычно не ношу на работу, — чёрное, облегающее, с вырезом на спине. Сказала, что мне плохо, что мне страшно, что мне нужно уйти пораньше, и я не хочу идти одна.

Он посмотрел на меня. Уголок его губ дрогнул.

— Знаешь... ты странная. Но мне это почему-то нравится.

Мы даже дошли до лифта. Двери закрылись. Я прижалась к нему, чувствуя, как он напрягся, как его дыхание коснулось моей шеи. Повернулась, подняла лицо — и он почти поцеловал меня. Почти.

Лифт открылся на первом этаже.

В холле уже стояли двое в масках.

Он успел только оттолкнуть меня в сторону. Пуля вошла ему в висок — чисто, аккуратно, как точка в конце предложения. Кровь брызнула на стекло лифта. Я даже не успела закричать — только открыла рот, и тишина заполнила всё.

Он упал мне на руки.

Я держала его, пока не прогремел второй выстрел и не наступила моя темнота.

Каждый раз — то же самое.

И каждый раз я всё равно возвращаюсь.

Потому что если не я — то кто будет держать его руку в последнюю секунду? Кто будет смотреть ему в глаза, пока они не потухнут? Кто будет помнить, что он пытался нас спасти — даже зная, что это бесполезно?

Я возвращаюсь.

Каждый проклятый раз.

Сегодня — очередное 17-е марта.

Я сижу за стойкой №4, пальцы лежат на клавиатуре, но не печатают. Экран монитора давно погас в режиме ожидания, отражая только меня — бледную, с тёмными кругами под глазами, которые уже не сходят даже после сна. Часы на стене показывают 16:12. До выстрелов осталось меньше полутора часов.

В зале привычная послеобеденная тишина: шелест купюр, приглушённые голоса клиентов, редкий стук клавиш. Всё как всегда. Всё мертвенно-знакомое.

И тут я вижу её.

Всё вокруг — как всегда. Как тысячу раз до этого.

Клиент в сером костюме подходит к стойке №3, кладёт паспорт, просит выписку — точно такой же, как вчера, позавчера, всегда. Охранник у входа переминается с ноги на ногу, поправляет ремень — те же движения, та же скука в глазах. Кассирша слева вздыхает ровно в ту же секунду, когда обычно вздыхает, и начинает пересчитывать пачку пятитысячных. Даже запах — смесь кофе из автомата, чужих духов и лёгкой пыли от кондиционера — не меняется ни на йоту.

Всё одинаковое. Все одинаковые. Замкнутый круг, в котором даже случайности повторяются.

И тут появляется она.

Уборщица.

Она выходит из служебного коридора с ведром и шваброй — как всегда в это время. Но сегодня... что-то не так. Она идёт медленнее. Спотыкается. Ведро гремит — я поэтому обернулась. Впервые!

Смотрю внимательнее.

Узел волос на затылке растрепался — одна прядь выбилась и падает на висок. Серёжки-гвоздики сегодня не золотые, а серебряные, маленькие, почти незаметные. Халат тот же серый, но на рукаве — свежее пятно от кофе, которого раньше никогда не было.

Она останавливается у моей стойки. Ставит ведро. Звук — громче, чем обычно. Ведро чуть качается, вода внутри плещется. Наклоняется, будто вытирает пол, но тряпка даже не касается мрамора. Просто висит в воздухе.

До меня доходит медленно и неохотно, но я понимаю:

Все остальные — клиенты, охранник, коллеги, даже воздух вокруг — они сегодня точно такие же, как вчера. Как позавчера. Как всегда.

А она — изменилась.

Сердце делает резкий, болезненный толчок. Я встаю так быстро, что стул с грохотом отъезжает назад. Клиентка, которая только что подошла, удивлённо моргает, но мне уже всё равно.

Обхожу стойку. Ноги дрожат. Подлетаю к ней — почти бегу, хотя между нами всего три метра.

— Что происходит? — голос срывается, выходит выше, чем нужно. — Почему вы... другая?

Она медленно выпрямляется. Тряпка падает в ведро. Молчит, только буравит меня своими глазами.

— Вы... вы знаете? Про петлю? Про то, что каждый день...

Она кивает — один раз, коротко.

Я чувствую, как слёзы жгут глаза.

— Тогда скажите. Как выйти? Как это остановить?

— Каждый день ты просыпаешься и ненавидишь эту работу. Хочешь уйти. Но не уходишь. Предаёшь себя. Каждый день.

Замираю.

— Ты можешь уйти.

— Я уходила...

— Одна. — перебивает. — Просто не приходи. Напиши заявление по электронной почте. Собери вещи. Уезжай из города. Петля разомкнётся. Ты будешь жить.

Слова падают медленно, как грязные капли с её тряпки. Я чувствую, как внутри что-то сжимается. Смотрю на неё. В её спокойные, выцветшие глаза. В них нет жалости. Только усталое понимание. Как у человека, который слышал уже тысячу таких разговоров.

Спрашиваю единственное, что имеет значение. Голос выходит хриплым, почти чужим:

— А он?

Она молчит.

Молчит долго. Секунд десять, может пятнадцать. Время в этот момент становится вязким, как сироп. Я слышу своё сердце — громкое, неровное. Слышу, как где-то вдалеке звякает мелочь в чьём-то кармане. Слышу, как тикают настенные часы. Как Даниил разговаривает по телефону у себя в кабинете.

Наконец она отводит взгляд. Смотрит куда-то в сторону, на пустой коридор, на отражение ламп в полированном мраморе.

— Ты узнаешь только после того, как это произойдёт. Когда наступит 18-е марта. И уже ничего нельзя будет изменить. Но ты будешь жить.

Эти слова — как удар под дых. Сажу ещё несколько секунд, не двигаясь. Пальцы холодные. В горле ком. Настенные часы показывают 16:58.

До выстрелов — сорок семь минут.

Медленно встаю.

Стул отъезжает назад с тихим виноватым скрипом — будто извиняется за то, что прерывает тишину. Звук этот кажется громче, чем должен быть, и на секунду все взгляды в зале — или мне только кажется? — поворачиваются ко мне. Но нет. Никто не смотрит. Все продолжают свои маленькие, повторяющиеся движения: клиентка перекладывает документы, охранник зевает в кулак, кассирша слева щёлкает мышкой.

Я обхожу стойку. Ноги тяжёлые, будто по колено в воде — каждый шаг требует усилий, каждый мускул сопротивляется, но я иду. Сердце стучит так громко, что я слышу его в висках, в горле, в кончиках пальцев.

Дверь в кабинет Даниила приоткрыта ровно на ладонь — всегда ровно на ладонь, как будто кто-то наверху решил, что именно так будет красивее. Из щели льётся тёплый жёлтый свет настольной лампы, падает на пол длинной полосой, дрожащей от сквозняка. Я останавливаюсь на пороге. Дышу.

Он сидит за столом, спиной к окну. Экран монитора освещает его лицо — мягкий голубоватый свет, от которого под глазами появляются тени, а скулы кажутся острее. Он поднимает голову. Узнаёт меня. Уголок его рта медленно, как-то неохотно поднимается вверх — та самая улыбка, которую я видела тысячу раз и всё равно каждый раз вижу впервые.

— Что-то срочное? — спрашивает тихо, голос низкий, чуть хриплый от долгого молчания.

Захожу, закрываю дверь за собой. Щелчок замка звучит как приговор. Обхожу стол — медленно, чтобы не спугнуть. Наклоняюсь. Мои волосы падают ему на плечо. Я беру его лицо в ладони — осторожно, будто оно из тончайшего стекла — и целую.

Сама дрожу — от наглости и стыда. И немного от желания не заканчивать этот поцелуй никогда.

Сначала он замирает. Всё его тело — напряжённая струна. Губы холодные, чуть сухие от кондиционера. Я целую его медленно, робко, давая понять: это не шутка, не ошибка, не внезапный порыв.

Его руки ложатся мне на талию. Пальцы сжимаются на ткани блузки. Притягивает меня ближе. Ещё ближе. Я чувствую, как его сердце колотится — быстрое, неровное.

Он отвечает на поцелуй — сначала осторожно, пробуя меня на вкус. Потом жадно. Как будто всё это время ждал именно этого момента, именно этого. Язык касается моего. Вдыхаю его запах — лёгкая горечь кофе, которую он пил утром. Мои пальцы зарываются в его волосы — они мягкие, чуть влажные у корней.

Я отстраняюсь — всего на сантиметр. Наши лбы соприкасаются.

— Я не уйду, — шепчу я, и голос дрожит уже не от страха, а от чего-то другого, огромного и светлого. — Даже если это значит умирать с тобой каждый день. Ты даже... можешь сам меня убить.

В его глазах вопрос. Недоумение. Одними губами шепчет:

— Что?..

Но за дверью уже начинается.

Крики. Топот тяжёлых ботинок. «Все на пол! Лицом вниз!»

Я улыбаюсь. Впервые за всё это время по-настоящему. Слёзы текут по щекам, но я не вытираю их.

17:45.

Выстрел.

Один. Второй.

Боль — короткая, ослепительная.

Тьма.

И снова — 6:37.

Дорогие читательницы!

Эта история закончилась — если понравилась, жду ваши лайки, комментарии, подписки!
Ваши эмоции очень помогают писать ещё и ещё!

У меня есть и другие рассказы и романы — очень жду вас на их страничках.

С любовью,

Ваша Карин Вааль

4. Глоток мести

Я открываю дверь офиса плечом, потому что в одной руке у меня сумка, а в другой — стакан с кофе, и если я сейчас попытаюсь открыть дверь нормально, кофе обязательно окажется на полу, а день ещё даже не начался, чтобы так радикально его портить.

Дверь, как всегда, скрипит очень демонстративно.

Этот звук я слышу каждое утро уже семь месяцев, и каждый раз думаю, что надо бы написать заявку в хозяйственный отдел. А потом вспоминаю, что у нас экспериментальный проект, минимальная бюрократия и максимум самостоятельности.

Самостоятельность, видимо, включает и жизнь со скрипящей дверью.

В коридоре пусто.

Свет включён только наполовину, поэтому всё выглядит слегка недоделанным, как будто здание ещё не проснулось и просто лениво приоткрыло один глаз.

Пахнет пылью, бумагой и кофейным сиропом из автомата. Судя по запаху, кто-то вчера снова пытался сделать карамельный латте и проиграл в этой борьбе.

Я толкаю дверь нашего кабинета. Она скрипит ещё громче.

Если однажды здесь произойдёт убийство, эта дверь будет главным свидетелем.

Кабинет маленький: два стола, два компьютера, два кресла, которые пережили, кажется, несколько экономических кризисов и теперь мстят людям за это характерным скрипом пружин.

И ни одного начальника вот уже семь месяцев.

Я ставлю сумку на стол, аккуратно припарковываю кофе рядом с клавиатурой и нажимаю кнопку компьютера. Системный блок глухо гудит, как человек, которого разбудили слишком рано.

Кресло тяжело вздыхает подо мной. Иногда мне кажется, что оно тоже участвует в эксперименте.

Я — главный специалист проекта.

Каждый раз, когда я произношу это вслух, люди сначала смотрят на меня, потом на моё лицо, потом снова на должность, и в этот момент у них в голове происходит тихий внутренний диалог.

Главный специалист.

Двадцать четыре года.

Где подвох?

Подвоха нет. Хотя всем хочется думать, что меня повысили и отправили на этот проект исключительно из-за выреза на блузке.

Но я блузки не ношу уже лет... Я их никогда не ношу! Футболка, сверху пиджак. Снизу плотные джинсы или брюки, в которых моя задница выглядит скорее широкой, чем аппетитной.

Просто наш генеральный однажды решил, что возраст — не самый точный показатель профессионализма и свойственном мне дерзости. Идеальный коктейль для экспериментального проекта.

Хотя и я иногда подозреваю, что генеральный в тот день был слегка пьян.

Делаю глоток кофе.

Он горячий. Слишком горячий.

Я шиплю, ставлю стакан обратно.

Кабинет постепенно начинает оживать: кулер в углу делает своё утреннее *бульк*, где-то за стеной щёлкает принтер, а вентиляция начинает тихо гудеть, как ленивый шмель.

Дверь снова скрипит.

Я даже не оборачиваюсь.

— Если ты опять проспал будильник, сегодня я не буду делать вид, что не заметила, — говорю я.

— Во-первых, я не проспал, — отвечает Андрей. — Во-вторых, всего-то три минуты.

Я поворачиваюсь.

Он стоит в дверях с привычным выражением лица человека, который только что выиграл спор с общественным транспортом. Куртка на одном плече, волосы слегка растрёпаны, в руках — стакан из автомата.

— Четыре минуты, — уточняю.

Он молча бросает куртку на спинку стула и садится за свой стол.

Андрей старше меня лет на десять и работает здесь достаточно давно, чтобы помнить времена, когда в этой компании ещё пытались внедрять мотивационные плакаты с надписями вроде «команда — это сила».

— Ну что, — говорит он, включая компьютер, — как живётся нашему главному специалисту?

Я медленно поворачиваю голову.

— Если ты ещё раз так меня назовёшь...

— Но это же твоя должность.

Завидует. Он-то всего лишь ведущий.

— Она звучит так, будто я должна быть серьёзной женщиной лет тридцати пяти с привычкой говорить всем «подготовьте аналитическую справку».

Он тоже делает глоток кофе.

— А вместо этого у нас ты.

— Именно.

Он улыбается.

Я тоже.

В кабинете становится немного теплее. Компьютеры тихо гудят, документы лежат ровными стопками, и всё выглядит так, как будто наша экспериментальная система работает идеально.

Иногда мне кажется, что так может продолжаться вечно.

Два человека.

Два стола.

Никакого начальства.

Семь месяцев мы работаем так, будто взрослые люди способны справляться с задачами без надзирателя. И, честно говоря, это подозрительно хорошо работает.

Я делаю ещё один глоток кофе и открываю почту.

И именно в этот момент из коридора доносятся шаги.

Медленно поднимаю голову. Андрей тоже. Мы переглядываемся.

Потому что в наш кабинет обычно никто не приходит.

Шаги в коридоре становятся громче — уверенные, неторопливые, такие, какие обычно издают люди, привыкшие, что перед ними открывают двери, а не наоборот.

— Ну вот тут они и живут, — доносится из-за стены знакомый голос.

Я невольно улыбаюсь.

— Это Смирнов, — тихо говорит Андрей, даже не поднимая головы от монитора.

— Я поняла.

Через секунду дверь распахивается без малейшего намёка на стук, и в кабинет заглядывает наш генеральный директор.

Сергей Павлович Смирнов относится к той редкой категории руководителей, которых сотрудники не боятся и не проклинают в курилке, а почему-то искренне любят. Он может запросто зайти в отдел, усестись на край чьего-нибудь стола, полчаса обсуждать футбол, погодные аномалии и несправедливость мирового судейства, а потом между делом подписать пару стратегических решений, от которых зависит половина компании.

— Доброе утро, преступники, — весело объявляет он.

— Доброе утро, — отвечаем мы почти хором, хотя хор получается несколько нестройный: Андрей бормочет это в клавиатуру, а я — в свой кофе.

Смирнов проходит в кабинет, останавливается посреди комнаты и с видимым удовольствием оглядывается вокруг, словно проверяет, не успели ли мы за ночь превратить помещение в археологические руины.

— Ну что, — говорит он, — ещё не разнесли кабинет без начальника?

— Мы стараемся, — отвечаю я. — Но пока держимся.

— Верю, — улыбается он.

И только тогда я замечаю, что пришёл он не один.

Человек, стоящий у него за плечом, сначала кажется просто тенью — высокой, неподвижной, слишком спокойной для обычного посетителя нашего маленького экспериментального царства.

Потом тень делает шаг вперёд.

И кабинет внезапно становится заметно меньше.

Он высокий, широкоплечий, в тёмном пиджаке, который сидит на нём так идеально, будто его не сшили, а аккуратно нарисовали прямо на теле. Белая рубашка, безупречная линия плеч, ни одной случайной детали — всё настолько выверено, что это почти раздражает.

И лицо.

Чёрт.

Такие лица обычно принадлежат актёрам, людям с обложек журналов или, в крайнем случае, тем, кто точно знает, что может позволить себе выглядеть так уверенно. Чёткая линия челюсти, прямой нос, тёмные глаза, в которых нет ни намёка на дружелюбие — только холодное, внимательное изучение.

Он красив.

И это какая-то подозрительная, опасная красота.

Смирнов хлопает в ладони, будто собирается объявить начало спектакля.

— Так, дети, знакомьтесь. Это ваш новый руководитель.

Я слышу, как Андрей рядом тихо выдыхает.

— Дождались, — бормочет он.

— Да-да, — кивает Смирнов. — Я знаю, вы тут семь месяцев живёте как вольные художники.

Он слегка отходит в сторону, освобождая пространство.

— Максим Воронов.

Воронов делает шаг вперёд.

Движение у него медленное, почти ленивое, но в этой медлительности чувствуется точный расчёт — как у хищника, который не торопится, потому что прекрасно знает: если понадобится, он всё равно окажется быстрее.

Сначала он смотрит на Андрея.

Потом на меня.

Взгляд у него спокойный, внимательный и почему-то такой, что на секунду возникает странное ощущение: будто он оценивает не только лица, но и мысли, которые в этих лицах пытаются спрятаться.

— Значит, — произносит он, — это и есть экспериментальный отдел.

Голос у него низкий, ровный.

И при этом удивительно неприятный.

Как холодная вода за воротник.

Смирнов, как человек, которому в принципе нравится наблюдать за людьми в момент лёгкого замешательства, довольно улыбается и, чуть отступив в сторону, делает широкий жест рукой, будто представляет не двух сотрудников, а небольшой, но вполне приличный музей.

— Лучший маленький отдел компании, — говорит он с той тёплой уверенностью, с какой обычно говорят о чём-то своём, давно знакомом и немного любимом.

Воронов не спешит разделять его энтузиазм.

Он смотрит на кабинет так, словно оценивает помещение на предмет возможных нарушений санитарных норм, потом переводит взгляд на нас и лишь после этого отвечает:

— Посмотрим.

Спокойно. Почти лениво. Но в этом коротком слове почему-то слышится больше скепсиса, чем в длинной лекции о некомпетентности сотрудников.

Я смотрю на него чуть дольше, чем, наверное, следует, и впервые ловлю себя на странной мысли: оказывается, человек вполне может выглядеть идеально — безупречно, почти раздражающе идеально — и при этом вызывать желание немедленно закатить глаза.

Он снова обводит кабинет взглядом.

— Я не люблю бардак, — произносит он тем ровным, спокойным голосом, которым обычно объявляют новые правила техники безопасности.

Небольшая пауза.

Такая пауза, в которую человек, обладающий воображением, успевает мысленно представить целый список будущих запретов.

— Не люблю самодетельность.

Ещё одна пауза.

На этот раз чуть длиннее, как будто он специально даёт словам возможность спокойно осесть в воздухе.

— И особенно не люблю, — продолжает он, — когда люди привыкают работать без контроля.

Рядом со мной Андрей едва слышно двигает стул, и звук этот почему-то кажется громче, чем следовало бы.

Я же, наоборот, чувствую, как уголок моего рта предательски приподнимается. Совсем немного. Настолько, что это вряд ли можно назвать улыбкой — скорее намёком на неё.

Воронов это замечает.

Конечно замечает.

Его взгляд останавливается на мне так спокойно и точно, словно он заранее знал, где именно нужно искать источник потенциальных проблем.

— С сегодняшнего дня, — продолжает он, не отводя глаз, — всё, что происходит в этом отделе, проходит через меня.

Он слегка наклоняет голову, будто уточняет формулировку.

— Все решения.

Пауза.

— Все документы.

Пауза.

— Все действия.

В кабинете на секунду становится тихо.

Смирнов деликатно кашляет в кулак, как человек, который внезапно понимает, что атмосфера начинает напоминать не дружеское знакомство, а лёгкий инструктаж перед военным положением.

— Максим немного... дисциплинированный, — говорит он с дипломатичностью человека, который много лет управляет людьми и потому научился смягчать углы.

— Я просто люблю порядок, — спокойно отвечает Воронов.

И его взгляд снова возвращается ко мне.

Так, будто предыдущий осмотр помещения был лишь разминкой.

— А вы, — говорит он, чуть прищурившись, — надеюсь, любите работать.

Я делаю глоток остывающего кофе, ставлю стакан на стол и улыбаюсь.

— Иногда.

Смирнов тихо смеётся.

А Воронов — нет.

Воронов стоит посреди кабинета с таким видом, будто он здесь не гость и даже не новый начальник, а человек, которому это пространство принадлежало всегда, просто мы почему-то об этом не знали. Даже весь воздух, кажется, сначала проходит через него.

Наши столы.

Наш проект.

Наш кабинет, который последние семь месяцев существовал в довольно приятном режиме лёгкой анархии.

И теперь этот режим, судя по выражению его лица, официально закончился.

Смирнов, стоящий рядом, наблюдает за происходящим с довольным видом. В нём есть что-то от человека, который только что привёл домой дворовую собаку и теперь с интересом смотрит, как она знакомится с мебелью, коврами и, возможно, хозяевами квартиры.

— Ладно, — говорит он наконец, слегка хлопнув ладонями, словно закрывая небольшую, но важную организационную сцену. — Я вас оставлю.

Он кивает в сторону Воронова.

— Максим введёт вас... — он делает крошечную паузу, будто подбирает формулировку помягче, — в курс новой жизни.

Потом переводит взгляд на нас с Андреем и добавляет уже почти по-домашнему:

— Постарайтесь не убить друг друга в первый день.

Андрей, не поднимая глаз от стола, спокойно отвечает:

— Мы обычно держимся до второго.

Смирнов смеётся — искренне, с удовольствием, — хлопает его по плечу и направляется к двери. Перед тем как выйти, он ещё раз оглядывается на кабинет, на нас и на Воронова, будто проверяя, всё ли расставлено по местам.

Потом выходит.

Дверь за ним закрывается бесшумно.

И сразу становится заметно тише.

Не потому, что исчезли звуки — компьютеры всё так же тихо гудят, где-то в коридоре проходят люди, — а потому, что в кабинете внезапно появляется странное ощущение холода, как будто кто-то открыл окно в середине зимы.

Воронов несколько секунд не двигается.

Он просто стоит и смотрит.

Сначала на Андрея, внимательно, оценивающе, словно пытается понять, сколько пользы можно извлечь из этого человека и сколько усилий придётся потратить, чтобы заставить его работать так, как нужно.

Потом его взгляд медленно переходит на меня.

И именно в этот момент я вдруг остро осознаю, что всё ещё держу в руке стакан с кофе, который собиралась допить ещё до того, как в нашу спокойную жизнь вошёл этот человек.

Пластиковая крышка под пальцами слегка прогнулась, кофе уже давно остыл и теперь находится в той печальной стадии существования, когда он уже абсолютно бессмысленный.

— Сядьте, — говорит Воронов в пустоту.

Мы с Андреем переглядываемся.

Потом я медленно поднимаю бровь.

— Мы уже.

— Тогда начнём, — произносит Воронов после короткой паузы.

Он разворачивается и подходит к доске с нашим планом проекта.

Той самой доске, на которой последние недели мы с Андреем аккуратно выстраивали всю структуру работы: сроки, этапы, зависимости, стрелки, комментарии маркером, заметки на стикерах — весь тот аккуратный хаос, который на самом деле прекрасно работал.

Воронов несколько секунд изучает её, слегка склонив голову.

Я вижу, как его взгляд скользит по датам, по стрелкам, по нашим комментариям на полях. Он читает быстро, но внимательно, будто собирает из этих кусочков общую картину происходящего.

А потом он протягивает руку.

Берёт со стола Андрея обычную бумажную салфетку.

И спокойно проводит ею по доске.

Я не сразу понимаю, что происходит.

Маркер начинает размазываться под белой бумагой серой грязной кашей, стрелки исчезают, даты превращаются в бледные пятна, и через несколько секунд половина схемы — аккуратно выстроенной, обсуждённой, переделанной десятки раз — просто перестаёт существовать.

Три недели нашей работы растворились в воздухе за какие-то пять секунд.

— Простите, — говорю, стараясь сохранить тон ровным.

Он медленно оборачивается, и на лице — привычная смесь терпения и любопытства.

— Да?

— Вы только что стёрли часть нашего плана, — осторожно, но с явной ноткой раздражения.

— Я вижу.

— Мы над этим работали.

— Я тоже собираюсь работать.

Он кладёт салфетку на стол, как будто это совсем незначительный акт, а не разрушение маленькой вселенной.

Я медленно ставлю чашку кофе на поверхность стола, чувствуя, как горячий пар словно пытается вернуть хоть чуть-чуть тепла утра.

— Это была схема текущего этапа.

— Была, — отвечает он сухо.

— И она работала.

Он смотрит на меня так, будто я только что объяснила ему, как держать вилку. Лицо идеально неподвижное, но в глазах — лёгкая насмешка.

— Ксения, верно?

— Верно.

— Я не люблю схемы, которые рисуют люди без стратегического взгляда.

Андрей тихо выдыхает через нос, словно пытаясь подавить смех или внутреннее удивление.

Я чувствую, как что-то внутри медленно накаляется.

— Семь месяцев эта схема прекрасно работала.

— Семь месяцев вы работали без руководителя.

— И? — отвечаю, не скрывая вызова.

Он делает шаг вперёд, нарушая невидимую границу, теперь он прямо у моего стола. Слишком близко.

— И это видно.

Я скрещиваю руки, пытаюсь хотя бы внешне не дрогнуть.

— По результатам?

— По подходу.

Тишина давит, как воздух перед грозой. Я смотрю на него, потом медленно тянусь к доске, как будто не осознавая весь фарс ситуации. Беру маркер. И прямо при нём восстанавливаю стёртое. Линия. Стрелка. Дата. Каждое движение преднамеренно подчеркнуто.

В кабинете тихо. Лишь скрип маркера по доске прерывает напряжённую паузу.

Я кладу маркер обратно, поворачиваюсь к Воронову:

— Вот так это выглядело.

Он смотрит на доску, затем на меня. В его взгляде — что-то неожиданное. Не раздражение, скорее... искреннее любопытство.

— Вы упрямая, — говорит он, и в этом признании слышится лёгкая улыбка.

— Я компетентная, — парирую я, с лёгкой иронией.

Андрей рядом тихо кашляет, будто старается спрятать смех, но в его взгляде уже блестит радость от того, что кто-то наконец дерзнул против бюрократического тирана.

Воронов делает паузу. Потом медленно кивает.

— Хорошо.

Он снимает пиджак и, не спеша, кладёт его на спинку стула Андрея. В этом действии — непрощенная демонстрация власти и уверенности.

— Тогда покажите мне, как вы семь месяцев управляли этим проектом без начальника.

Он садится. Откидывается на спинке стула. И смотрит прямо на меня. Не взглядом начальника — взглядом, который оценивает, изучает и... слегка дразнит.

— Раз уж вы явно считаете, что справляетесь прекрасно.

Я ловлю его взгляд.

Он действительно чертовски красив. И ещё... чертовски раздражает.

На следующий день он приходит раньше нас.

Это ощущается сразу, ещё до того, как я толкну дверь кабинета. Внутри стоит почти мистическая тишина — словно офис приготовился к чьему-то прибытию и замер в ожидании. И правда: за моим столом сидит Воронов. Не просто на моём стуле. За моим столом.

Мои бумаги разложены в три аккуратные стопки. Ручка лежит строго параллельно клавиатуре. Монитор включён. Всё выглядит так, будто я только что прошла экзамен на идеальный порядок. Я замерла в дверях, как фигура в картине.

— Доброе утро, — говорю, стараясь звучать уверенно, но внутри что-то щёлкает.

Он поднимает глаза.

— Доброе, — отвечает.

Пауза. Долгая. Словно он проверяет, хватит ли у меня смелости переступить порог.

— У вас интересная система хранения документов, — замечает он, словно констатирует феноменальный факт.

Я ставлю сумку.

— Она работает.

— Она хаотична.

— Она живая, — парирую я, и слышу внутренний шёпот: “Да, хаос — это ещё одна форма искусства”.

Он смотрит на меня. Медленно закрывает папку.

— Мы это исправим.

К середине недели я начинаю понимать одну простую вещь: Воронов не просто контролирует. Он контролирует буквально всё. Каждое письмо, каждую таблицу, каждую формулировку. Моё рабочее время и каждую мелочь, которую я все семь месяцев делала сама, без чьей-то подсказки. Даже воздух, которым я дышу, кажется, подчиняется его правилам.

Однажды он возвращает мне отчёт, потому что ему не нравится слово «примерно».

— В бизнесе нет «примерно», — говорит он, будто оглашая закон мироздания.

— Есть реальность, — отвечаю я, пытаюсь удержать улыбку.

— Реальность — это точные цифры.

— Иногда реальность — это данные, которые ещё не появились, — не сдаюсь я.

Он смотрит на меня этим холодным взглядом, где есть одновременно и оценка, и лёгкое раздражение, и что-то почти... игривое.

— Тогда вы ждёте данные.

— Тогда вы теряете время.

Андрей за соседним столом делает вид, что внимательно изучает монитор. На самом деле он наблюдает за нами и еле сдерживает смех.

В среду кабинет превращается в мини-лабиринт стратегических манёвров. Воронов переставляет наши столы. Просто приходит утром с техническим сотрудником, и через десять минут пространство меняется.

Мой стол теперь ближе к двери. Андрей — к окну. Стол Воронова — посередине. Как центр тяжести. Наши мониторы повернуты так, что он видит каждую цифру, каждую букву, просто подняв голову.

Я стою среди этого нового порядка, чувствуя себя игрушкой в чьей-то шахматной партии.

— Зачем? — спрашиваю, стараясь не показать раздражение.

— Мне нужно видеть вас, — отвечает он спокойно.

— Мы не дети.

— Нет, — говорит он, не моргнув. — Но вы привыкли работать без наблюдения.

— И это прекрасно работало.

— Это закончилось.

Смотрит на меня так, что слова становятся лишними.

— Привыкайте.

В четверг он впервые повышает голос. Не крик, но каждый звук как ледяной нож.

Случай: презентация, отправленная клиенту без согласования. Потому что клиент просит срочно. Потому что мы всегда так делали. Потому что иногда нужно просто действовать.

Он вызывает меня к столу:

— Вы отправили файл.

— Да.

— Без моего разрешения.

— Клиент ждал.

— Меня это не интересует. В этом отделе решения принимаю я.

Я смотрю на него с недоумением.

— Клиент доволен.

— Случайность.

— Результат, — отвечаю.

Он делает длинную паузу, будто взвешивает каждое слово. Потом тихо говорит:

— Если вы ещё раз будете принимать решения за моей спиной, я переведу вас в отдел внутренней отчётности.

Мои глаза невольно расширяются. Это место — тёмная бездна для офисных душ, где люди медленно умирают среди таблиц и отчётов.

Андрей тихо свистит, едва сдерживая смех.

Я смотрю на Воронова.

— Это угроза?

— Это управленческое решение, — холодно отвечает он.

В пятницу Андрей шепчет мне у кулера:

— Он псих.

Я наливаю воду, ледяную.

— Контрол-фрик.

— Красивый контрол-фрик, — уточняет Андрей, и его улыбка едва сдерживает веселье.

— Это не улучшает ситуацию.

— Ты его бесишь.

— Он меня тоже.

— Нет, — говорит Андрей. — Ты его особенно бесишь.

Я делаю глоток воды. В этот момент дверь кабинета открывается. Воронов стоит на пороге. Долго смотрит на нас, будто оценивает всю сцену.

— Если вы закончили обсуждать меня, — говорит наконец, — вернитесь к работе.

Я ставлю стакан.

— Мы обсуждали воду.

Он слегка наклоняет голову и уходит в кабинет, оставляя за собой тишину, где слышно только, как висит напряжение.

Андрей смотрит на меня.

— Видишь?

— Что?

— Псих.

Я смотрю на дверь и вдруг понимаю странную вещь: за всю неделю он ни разу не улыбнулся. Ни разу. И, кажется, это бесит меня сильнее всего.

Корпоратив проходит в ресторане на первом этаже бизнес-центра.

Сразу видно: это один из тех «необязательных» мероприятий, на которые вроде можно не приходить, но пропустить — значит, завтра кто-то обязательно спросит, почему тебя не было. Тон такой, будто речь идёт о похоронах, а не о лёгком вечере с закусками. И ты понимаешь: вариантов нет.

Я стою у длинного стола с закусками, разглядывая маленькие таргалетки. Удобная еда: держишь в руке и создаёшь иллюзию занятости. Никто не узнает, что на самом деле ты оцениваешь, кто где стоит, кто с кем смеётся и кто кого пытается перехитрить взглядом.

В зале шумно. Музыка бьёт по ушам, люди смеются чуть громче, чем обычно, а генеральный директор уже третий раз рассказывает историю про девяностые, размахивая руками

так, будто размах — это гарантия смешного финала. Я ловлю взгляд Андрея у бара: он машет мне стаканом, как сигналом бедствия.

Я поднимаю бровь.

Он показывает два пальца — через две минуты.

Я киваю. И именно в этот момент рядом со мной останавливается человек, которого я надеялась сегодня не видеть.

— Вы избегаете людей, — говорит Воронов.

Я даже не оборачиваюсь сразу.

— Я ем.

— Уже десять минут.

— Я медленный едок, — спокойно отвечаю. В голове звучит маленький внутренний смех: “И это всё, что у тебя есть на меня?”

Он тихо хмыкает.

Наконец я смотрю на него. Без пиджака. Рукава рубашки закатаны. Галстук ослаблен. И это... немного несправедливо, потому что он выглядит ещё лучше, чем обычно. И, конечно, я это замечаю.

— Вы не любите корпоративы? — спрашивает он, беря со стола бокал с виски. Делает глоток, смотрит на меня через стекло, как будто проверяет реакцию.

— Люблю.

— Не похоже.

— У нас любовь на расстоянии, — говорю спокойно, поднося тарталетку ко рту.

Он чуть наклоняется, бокал в руке, взгляд почти пронзает меня:

— Вы вообще многое любите на расстоянии, Ксения.

Я беру ещё одну тарталетку, как будто это мой последний щит.

— Например?

— Начальство.

Я улыбаюсь.

— Раскусили.

Он смеётся тихо. Лёгкая ирония в голосе — неприятная, пронзительная, будто музыка сменила тон и теперь играет только для нас. Потом делает шаг ближе, и пространство вокруг меня внезапно сжимается.

— Вы знаете, — говорит тихо, — я наблюдаю за вами всю неделю.

— Звучит обнадёживающе, — парирую я, как будто это шутка.

— Вы умная.

— Спасибо.

— Компетентная.

— Это приятно.

Он делает ещё один глоток, и движение кажется таким уверенным, как будто весь ресторан принадлежит ему на этот вечер.

— И невероятно упрямая.

Я пожимаю плечами.

— У всех есть хобби. Андрей пишет эротические рассказы.

Он смотрит на меня долго. Настолько долго, что шум ресторана, музыка и смех коллег уходят куда-то на задний план, оставляя нас в личной сцене напряжения.

— Вы понимаете, что происходит? — спрашивает он тихо, почти шёпотом, но в нём есть сила, которая заставляет меня слушать каждое слово.

— Мы стоим на корпоративе? — отвечаю с лёгкой улыбкой.

— Вы ведёте себя так, будто можете спорить со мной бесконечно.

— Пока не устала, — говорю спокойно.

Он наклоняется чуть ближе, и голос его становится тише, но одновременно более острым, интимным, словно он делится каким-то секретом, который одновременно обязывает и бросает вызов.

— Но вы же понимаете, чем это закончится, — говорит он, и я чувствую, как в этой простой фразе скрыта угроза и приглашение одновременно.

Я медленно ставлю тарелку на стол, делаю вид, что спокойна, хотя внутри всё напряглось.

— Просветите меня, — произношу я ровно, с лёгкой иронией.

Он смотрит прямо в глаза, так пристально, что создаётся ощущение, будто это не корпоратив, а именно та шахматная партия, где каждый ход имеет значение, и любое промедление может обернуться поражением.

— В какой-то момент вам придётся принять решение, — говорит он, делая паузу, чтобы вес слов осел, и даёт мне время осознать неизбежность выбора.

— Либо вы перестаёте дерзить, — продолжает он после короткой паузы, словно ожидая, что я почувствую давление в каждом слове, — либо вылетаете отсюда.

Я медленно моргаю, ощущая, как воздух будто сгущается между нами.

— Вы мне угрожаете? — спрашиваю, не позволяя голосу дрогнуть, хотя сердце бьётся чуть быстрее.

— Я предлагаю выбор, — отвечает он спокойно, с такой уверенностью, что любая попытка сарказма кажется одновременно смелой и опасной.

— Очень щедро, — произношу я, внутренне наслаждаясь тем, что могу оставаться на плаву, не поддаваясь давлению.

Он слегка улыбается, едва заметно, но в этой улыбке есть и вызов, и признание того, что наша игра начинается именно сейчас.

— Вы нравитесь мне, Ксения, — говорит он, и я слышу в этих словах одновременно предупреждение и... удивительную, странную искру признания.

Я тихо смеюсь, чуть наклоняя голову.

— Вы только что сказали, что хотите меня уволить, — замечаю я спокойно, с лёгкой насмешкой, отмечаю абсурдность положения.

— Это не исключает первого, — отвечает он, ставя бокал на стол, и даже этот жест кажется едва заметным проявлением власти, спокойной и уверенной.

— Я люблю людей, которые умеют сопротивляться, — говорит он после паузы, взгляд его неподвижен, но напряжение в нём ощущается отчётливо.

— Но только до определённого момента, — добавляет он, наклоняя голову чуть ближе, и я чувствую аромат виски, смешанный с его одеколоном, запах силы и риска одновременно.

Я скрещиваю руки на груди, делаю вид, что уверена в себе, хотя понимаю, что это игра гораздо опаснее, чем любой корпоративный фуршет.

— И какой это момент? — спрашиваю, ровно, но с едва заметным напряжением в голосе.

— Момент, когда они понимают, что сопротивление бесполезно, — говорит он, наклоняясь ещё ближе, и в этих словах слышится не просто предупреждение, а окончательный приговор, который висит между нами, неподвижный и неизбежный.

Я смотрю на него несколько секунд, оценивая и слыша в словах вызов, а затем улыбаюсь, почти провокационно:

— Вы удивитесь, — говорю, и мне самой приятно, что могу позволить себе лёгкую дерзость.

— Почему? — тихо спрашивает он, почти шёпотом, но голос его всё так же наполнен силой.

— Иногда бесполезные вещи оказываются самыми приятными, — отвечаю, позволяя себе небольшую иронию и внутреннюю победу в этой маленькой дуэли.

Он смотрит на меня. В его глазах появляется тот самый холодный, внимательный интерес, который я уже видела в кабинете, и который одновременно завораживает и раздражает.

— Осторожнее, Ксения, — говорит он, едва наклоняя голову.

— Почему? — спрашиваю я вызывающе.

— Потому что люди, которые так разговаривают с начальством... — пауза, лёгкий наклон головы, и его взгляд фиксируется на мне ещё сильнее, — ...обычно долго не работают в компании.

Я беру бокал с водой, делаю глоток, ощущая ледяную свежесть.

— Тогда, наверное, мне стоит насладиться корпоративом. Может, он мой последний, — говорю спокойно и разворачиваюсь, чтобы идти к бару, где ждёт меня Андрей.

В понедельник утром я стою у автомата, слушаю, как он лениво шипит и выплёвывает первый стакан, и внезапно решаю сменить тактику.

Автомат шипит снова, и я ловко снимаю второй стакан. Запах кофе раздражающе знакомый: горько-сладкий с лёгким оттенком пластика. Я иду по коридору, ощущая, как горячие стаканы обжигают пальцы сквозь картон, и мысленно улыбаюсь. Дверь кабинета скрипит, словно старая собака, которая вот-вот выдаст все наши секреты.

И, конечно, он уже здесь. Всегда здесь. Сидит за столом, погружённый в документы так, будто родился вместе с этим столом и никогда не собирается его покидать. Я ставлю один стакан рядом с его рукой.

— Доброе утро.

Он поднимает глаза, задерживает взгляд на кофе, потом на меня, будто пытается рассчитать мою внутреннюю стратегию.

— Это что?

— Кофе.

— Я вижу.

— Тогда вопрос отпал.

Он молчит секунду, затем берёт стакан:

— Спасибо.

Я киваю и иду к своему столу, чувствуя взгляд Андрея, который смотрит на меня так, будто я только что начала переговоры с террористами. Я пожимаю плечами — что ещё остаётся делать в таких ситуациях?

Во вторник всё повторяется, словно старый фильм с уже знакомым сценарием. Я прихожу, покупаю два кофе, несу их в кабинет, ставлю один на его стол:

— Доброе утро.

— Доброе утро, — отвечает Воронов, задерживая взгляд чуть дольше, чем нужно, будто пытается измерить силу моей вежливости.

Я спокойно открываю ноутбук, делаю вид, что правила игры внезапно изменились, хотя на самом деле они остаются теми же.

— Вы пытаетесь быть вежливой? — спрашивает он через минуту.

— Я всегда вежливая, — отвечаю, ощущая лёгкую иронию.

— Нет.

— Тогда считайте, что сегодня особенный день, — говорю с едва заметной насмешкой.

Он делает глоток кофе, и я жду комментария. Но Воронов молчит.

В среду я почти забываю про второй стакан, но у автомата вспоминаю его лицо с корпоративного вечера, его спокойное «либо вы перестаете дерзить, либо вылетаете», и решаю купить ещё один. В кабинете он разговаривает по телефону, и я тихо ставлю кофе рядом. Воронов

поднимает палец — мол, подожди — и я стою, как статуя, пока он завершает разговор. Потом смотрит на стакан:

— Вы начали традицию?

— Скорее привычку.

— Интересно.

— Почему?

— Потому что неделю назад вы смотрели на меня так, будто хотели ударить и изрисовать всего маркером вместо доски.

Я улыбаюсь:

— Я учусь контролировать импульсы.

— Похвально, — кивает он, делает глоток и смотрит на меня через край стакана.

— Тяжело даётся? — спрашивает он, и я чувствую, как внутри поднимается привычная волна сарказма.

Нет, Максим, очень легко, думаю я. Но вслух говорю:

— Иногда.

Он улыбается, и в этом движении есть что-то почти человеческое, что заставляет внутреннее напряжение ослабнуть на мгновение.

В четверг Андрей, наконец, не выдерживает. Мы сидим за столами, Воронов что-то печатает у себя, а Андрей шепчет мне:

— Что ты делаешь?

— Работаю.

— Нет. С кофе.

— Ничего.

— Ты его приручаешь?

— Андрей.

— М?

— Заткнись.

Он тихо смеётся, и я понимаю: этот маленький ритуал уже стал моей игрой, почти священной.

К пятнице это превращается в почти церемонию. Я прихожу, покупаю два кофе, иду по коридору, дверь скрипит, он поднимает глаза, я ставлю стакан на стол:

— Доброе утро.

— Доброе утро, Ксения, — говорит он спокойно, слишком спокойно, и внезапно добавляет: — Вы стали удивительно покладистой.

Я медленно снимаю пальто, делаю вид, что это обычное движение, но понимаю, что он наблюдает.

— Я стала профессиональней.

— Разница небольшая.

— Для кого как, — говорю с лёгкой иронией.

Он делает глоток, внимательно смотрит на меня, как будто пытается понять, что именно изменилось.

Я сажусь за стол, открываю ноутбук и печатаю письмо, сдерживаясь от желания сказать: «Наслаждайтесь кофе, Максим. Я ведь так стараюсь».

Утро начинается так же, как и все последние тридцать дней, и всё в этом ритуале кажется одновременно привычным и странным: я стою у кофейного автомата, наблюдаю, как он лениво бурчит и шипит, словно задумавшись о смысле жизни, и жду, пока первый стакан падает в под-

дон. Я беру его, потом автоматически нажимаю кнопку второй раз, не думая, не оценивая, просто повторяю движения, отточенные привычкой, почти как чистка зубов или проверка почты.

Два кофе: один для меня, другой для Воронова.

Стаканы горячие, картон слегка прогибается под пальцами, и я иду по коридору, чувствуя, как тепло кофе обжигает кожу. Дверь кабинета привычно скрипит, и я автоматически произношу:

— Доброе утро.

Только потом понимаю, что отвечать некому: стул пуст, компьютер выключен, на столе нет ни бумаги, ни ручки, ни привычного порядка, который каждый день он поддерживал словно ритуал. Я ставлю второй стакан на край стола, смотрю на него несколько секунд и понимаю: странно. Он никогда не опаздывает. Вообще.

Снимаю пальто, сажусь за стол. Компьютер медленно просыпается, экран моргает, кофе для Воронова тихо остывает, и мир кажется слегка подслеповатым без его зорких глаз, смотрящих в мой монитор. Дверь снова скрипит — на этот раз Андрей входит, стряхивая снег с рукавов.

— Утро?

— Утро, — отвечаю я, и мы оба замолкаем, чувствуя пустоту в воздухе.

Андрей садится, замечает второй стакан и пустой стул. Его глаза округляются.

— А где наш любимый диктатор? — спрашивает, и в голосе слышится смесь тревоги и иронии.

Я пожимаю плечами.

— Не знаю.

Он смотрит на часы, щурится:

— Он раньше всех приходит.

— Я заметила, — отвечаю, делая вид, что ничего не произошло.

Андрей откидывается в кресле, руки за голову:

— Может, заболел.

— Воронов? — спрашиваю я.

— Тоже человек.

— Теоретически, — добавляю я с едва заметной усмешкой, и мы оба молчим. Минуты тянутся медленно, кофе на его столе уже не дымится.

Вдруг дверь открывается резко, без привычного скрипа, будто кто-то выдрал её из петель. В кабинет заглядывает Смирнов.

— Доброе утро, гении.

— Доброе утро, — говорим мы складным хором.

Он улыбается, как всегда, затем взгляд скользит по пустому столу.

— А где Максим?

Я открываю рот, почти позволяя себе сказать «Опаздывает» и получить удовольствие от момента, но в последний момент что-то останавливает меня. Закрываю рот, пожимаю плечами:

— Куда-то вышел.

Слова срываются с языка слишком быстро, и Андрей поворачивает голову ко мне так резко, что стул скрипит. Его глаза становятся ещё круглее. Смирнов кивает, машет рукой:

— Ладно, передайте ему, что я заходил.

— Хорошо, — отвечаем мы почти одновременно.

Дверь закрывается, и тишина становится почти осязаемой.

— Куда-то вышел? — шипит Андрей.

Я смотрю на экран, делаю вид, что занята, хотя внутри ощущаю странную пустоту.

— Ну а что мне было сказать?

— Например, что он опаздывает.

— Он может просто... задержаться, — говорю спокойно. — Начальник же.
Андрей смотрит на меня несколько секунд, потом пожимает плечами.
— Ладно.

Минуты идут, кофе на столе Воронова окончательно остывает, офис живёт своими маленькими шумами, но ощущение пустоты остаётся. И вот, спустя час, дверь распаивается так резко, что ударяется о стену, а вместе с ней в кабинет врывается Вичка, секретарша Смирнова. Она бледная, дышит так, будто только что пробежала марафон.

— Вы слышали?! — кричит она.

Мы с Андреем поднимаем головы.

— Что? — спрашивает он.

— Вашего начальника... — пауза. — Ночью увезли в больницу.

На секунду у меня замирают пальцы на клавиатуре.

— Что? — повторяет Андрей, голос становится выше, переходя на писк.

— Скорая приехала прямо к дому, — трагическим голосом заявляет Вичка, спеша выговорить слова. — Ему стало плохо. Очень плохо. Сейчас он в реанимации. Состояние тяжёлое.

В отделении больницы, куда меня направил пробегающий мимо санитар, жутко холодно. Не с драматическим дыханием на стеклах, а просто... холодно. Холодно так, что пальцы постепенно теряют чувствительность, даже если прячешь их глубоко в карманы пальто, а дыхание мгновенно конденсируется, превращаясь в тонкие облака пара, которые исчезают прежде, чем успеваешь заметить.

Я стою у стеклянной стойки и произношу:

— Я к Воронову.

Женщина за стеклом, полузабытая в собственной усталости, медленно просматривает список.

— Родственница? — спрашивает она ровным голосом.

— Коллега, — отвечаю я, стараясь держать обычный тон.

Она пожимает плечами, будто «родственница» и «коллега» — приблизительно одно и то же, и тихо добавляет:

— Недолго.

Я киваю. Дверь за моей спиной закрывается мягко, почти уважительно, оставляя меня наедине с длинным, белым, пустым коридором. Лампы гудят над головой, как усталые насекомые, и каждый мой шаг отзывается слишком громко.

Комната в конце коридора открыта. Я останавливаюсь.

Он лежит в паре метров от меня. Белая простыня до груди. Лицо... спокойное. Странно спокойное, как будто он просто решил вздремнуть после бесконечного рабочего дня, где все вокруг, по его мнению, делали всё неправильно.

Я захожу, по новой привычке мягко закрываю дверь — чтобы не раздражать его. В комнате пахнет стерильной прохладой, какой-то больничной чистотой, смешанной с ощущением пустоты.

Подхожу ближе. Становлюсь рядом. Он выглядит иначе. Без движения человек всегда кажется меньше, уязвимее. Я смотрю на него несколько секунд, и в груди поднимается странное ощущение: одновременно тяжесть и ирония, будто мир внезапно перевернулся.

— Ну здравствуйте, Максим, — говорю, и мой голос разлетается по комнате громче, чем я рассчитывала.

Никого. Только холодные лампы. Я и он. И, может быть, ещё два десятка покойников за стенкой.

Я кладу руки на край металлического стола рядом с его лицом. Ледяной.

— Знаете, — продолжаю я, с легкой иронией, — вы были ужасным начальником.

Молчит. Наконец-то ему нечего сказать.

— Серьёзно.

Я слегка улыбаюсь. Хотя мне даже обидно, что ответа не будет.

— Угрожать людям увольнением на корпоративе — это, между прочим, ужасная управленческая стратегия.

Он, конечно, ничего не отвечает. Я смотрю на его лицо, и вдруг понимаю: впервые за месяц он не смотрит на меня, когда я говорю очередную грубость. Странное, пустое ощущение.

— Я, кстати, старалась, — продолжаю, кивая на воображаемый стол, будто мы до сих с ним вдвоем в нашем офисе. — Кофе каждое утро.

Пауза.

— Очень вежливо. Не находите?

Опускаю взгляд на его руки. Они неподвижны.

— Вы даже начали привыкать, — тихо усмехаюсь я. — На самом деле это было несложно. Немного чистящего средства. Совсем чуть-чуть. Каждый день... в кофе.

Тишина становится густой, почти осязаемой. Я выпрямляюсь, делаю шаг назад, словно отступая перед бесшумной трагедией, которая, тем не менее, остаётся частью моей личной игры.

— Сначала я думала, что вы почувствуете, — говорю, с лёгкой усмешкой. — Но вы были слишком заняты тем, чтобы контролировать чужую работу.

Пауза. Ещё несколько секунд я просто стою. Потом вздыхаю.

— Ну что ж. Прощайте, Максим.

Я поворачиваюсь к двери. И вдруг останавливаюсь. Медленно оглядываюсь. Смотрю на его лицо. И тихо, почти ласково, передразниваю его голос:

— Ксения, Ксения...

И слегка наклоняю голову, добавляю с едва заметной иронией:

— Вообще-то мне нравится, когда меня называют Ксюша.

Дорогие читательницы!

Эта история закончилась — если понравилась, жду ваши лайки, комментарии, подписки! Ваши эмоции очень помогают писать ещё и ещё!

У меня есть и другие рассказы и романы — очень жду вас на их страничках.

С любовью,

Ваша Карин Вааль

5. Босс на удалёнке

Я захожу в офис с чувством человека, который собирался совершить гениальный рофл, а по факту, кажется, только что подписал себе смертный приговор. В джинсах, в любимой растянутой футболке «Pink Floyd» с облезшими буквами, с гулькой на макушке, которая держится скорее на честном слове и одной невидимой шпильке.

Я планировала заявиться сюда после полутора лет дистанционки и громогласно объявить: «Ну что, начальник, встречай! В офисе — как дома!».

Мы же с ним друзья.

Наверное...

Ладно, друзья.

Серьёзно.

Он сам так сказал в первый же рабочий день.

Я тогда сидела на съёмной квартире, в пижаме с оленями, мяла в руках кружку кофе и тряслась от страха перед зумерским боссом.

Звонок по видеосвязи. Включаю камеру. На аватарке у него был размытый силуэт, в самом видео — какой-то тёмный фон, блики на оч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.